

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

О.А. Скрипова

ОБРАЗ ФРОНТОВОЙ МОЛОДОСТИ В ПОЭЗИИ ЮЛИИ ДРУНИНОЙ

Юлия Друнина (1924-1991) – представитель фронтового поколения поэтов. Выросшая в Москве, в учительской семье, она вопреки воле родителей семнадцатилетней девчонкой ушла на фронт в 1942 году. Ушла в самое трудное время и в самый неблагоприятный род войск – в пехоту. После тяжелого ранения – осколок едва не перерезал сонную артерию, снова пробилась на фронт добровольцем. До конца 1944 года была батальонным санитарструктором. Награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Демобилизовалась лишь после контузии 21 ноября 1944 года. Опыт войны лег в основу ее творчества, суровая реальность вытеснила юношескую романтику: «Мы пришли на фронт прямо из детства. Из стихов моих сразу как ветром выдуло и цыганок, и ковбоев, и пампасы с лампасами, и прекрасных дам»¹. По признанию поэта, обращение к поэтическому творчеству произошло после ранения: «В госпитале впервые за всю войну потянуло к стихам. Впрочем «потянуло» – не то слово. Просто кто-то невидимый диктовал мне строки, я их только записывала. Этот невидимый назывался войной»². В начале 1945 года в журнале «Знамя» была напечатана подборка стихов Юлии Друниной, а первая книга стихов «В солдатской шинели» вышла в 1948 году.

На протяжении всего творческого пути Юлия Друнина возвращается к своей фронтовой юности. Из войны ведет свою родословную лирическая героиня Друниной: «Я родом не из детства – из войны». Психологически она осталась в том времени:

Все грущу о шинели,
Вижу дымные сны –
Нет, меня не сумели
Возвратить из Войны.

(«Все грущу о шинели...», 1969)

Ю. Друнина говорит о «странной, непонятной для других болезни – «фронтовой ностальгии», которая «всю жизнь будет преследовать ветерана, особенно если он из поколения, для которого слово “война” – равнозначно слову “юность”...»³. А вот строки из ее стихотворения: «Я окопную ностальгией / Безнадёжно с тех пор больна». Поэтому лириче-

¹ Друнина Ю. «Чувства добрые я лирой пробуждал» // Друнина Ю. Избранное: В 2 т. Т. 2. М.: «Худож. лит.», 1989. С. 400. Далее цитаты приводятся по этому изданию.

² Друнина Ю. «С тех вершин». Т. 2. С. 316.

³ Друнина Ю. «Только раз присягают солдаты». Т. 2. С. 499.

Ольга Александровна Скрипова – кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

ская героиня может бросить вызов времени и понестись за юностью в погоню (« – Рысью марш! – Рванулись с места кони»). Эти страшные годы оказываются высшей мерой всего и вся и, как это ни парадоксально, самым ярким, эмоционально насыщенным временем, высшим взлетом духа. Не случайно Друнина использует в военных стихах традиционный образ горения как символ интенсивной жизни: «Могла ли я, простая санитарка, / Я, для которой бытом стала смерть, / Понять в бою, что никогда так ярко / Уже не будет жизнь моя гореть», «Ах, обугленные нервы, / Обожженные сердца!..» В субъективном измерении этот отрезок времени оказывается значительнее всей дальнейшей жизни: «Четыре страшных и прекрасных года / В душе перетянули сорок лет». Поэтому образ фронтовой молодости занимает важное место в творчестве поэта. Прохождение военного ада оказывается «не заслугой, а удачей», везением⁴.

Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

(«Нет, это не заслуга, а удача», 1970)

Тем большей удачей оказывается фронтовой опыт, что война – это не женское дело, а в стихах постоянно возникает образ девочки, девушки. В военных стихах возникает конфликт между мужским, солдатским и женским нежным началами. С одной стороны, звучит признание «Я грущу сегодня очень женской / Очень несолдатской тоской». С другой стороны, лирическая героиня гордо заявляет: «Мне близки армейские законы... Я была по-фронтовому резкой, / Как солдат шагала напролом». Лирический сюжет стихотворений Друниной нередко строится как неожиданное проявление женственности там, где, казалось бы, ему совсем не место, где она невозможна. Так, в стихотворении «А я сорок третий встречала» (1974) возникает образ «теплушки, несущейся в ад», подчеркивается общность добровольцев-солдат и лирической героини, она даже внешне на них похожа:

Подстриженная под мальчишку,
Была я похожа на всех.
Похожа на школьников тощих,
Что стали бойцами в тот час.

Но когда взрывы смеха сменяет грусть, ощущение близкой смерти, из глубины души вырывается сокровенное, именно женское чувство:

⁴ Известно, с каким трудом и упорством Юлия Друнина пробивалась на фронт.

Я мальчиков этих жалела,
Как могут лишь сестры жалеть.

«Во время поездки по ФРГ ее спросили: «Как Вы сумели сохранить нежность и женственность после участия в такой жестокой войне?» Она ответила: «Для нас смысл войны с фашизмом именно в защите этой женственности, спокойного материнства, благополучия детей, мира для нового человека»⁵. А поэтическим ответом на этот вопрос становится стихотворение «Не знаю, где я нежности училась» (1946). Лейтмотив стихотворения – образ огня: «В моих глазах – обугленные трубы. Пожары полыхают не Руси», «Опять в огонь рванулись самоходки». Лирическая героиня проходит через этот огневой апокалипсис, через «большого отступления страду», она ведет себя именно как боец: «Я на броню вскочила на ходу». Однако, наряду с образом огня, повторяется образ солдатских могил, этот образ окольцовывает стихотворение. В первой строфе нет прямой лирической оценки: «Растут в степи солдатские могилы, Идет в шинели молодость моя». Однако в соположении двух действий (растут – идет) скрыт глубокий трагизм: молодость героини на фоне растущих могил. В последней строфе чувство тоже прямо не названо, но отношение проявлено: «А вечером над братскою могилой / С опущенной стояла головой». Опущенная голова – психологический жест, за которым скрыта женская боль, жалость и нежность. Само слово «братскою» в данном контексте имеет, помимо переносного, буквальный смысл – «могила братьев». А лирическая героиня – со-страдающая сестра. Отсюда – парадоксальный ответ:

Не знаю, где я нежности училась, –
Быть может, на дороге фронтовой...

Другой пружиной лирического сюжета нередко является противоречие между внешней хрупкостью, слабостью и невероятной внутренней силой. Лирическая героиня названа «худенькой нескладной недотрогой», «девочкой, худющей и неловкой», однако эта девочка возвращается «фаненой, но сильной и прямой». С наибольшей силой этот парадоксальный контраст разрешается в стихотворении «Запас прочности» (1980):

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

Здесь уже личный опыт возводится в степень глобального обобщения, открывается тайна России.

Обратим внимание на то, что нередко в стихотворениях повествуется о себе во 2-м «Ты должна!» и в 3-м лице: «девочка», «школьница»: «Встала де-

вочка с парты этой / И шагнула в сырой блиндаж», «Всю жизнь от зависти томиться мне / К той девочке, / Худющей и неловкой – / К той юной санитарке», «И смешливо и нежно “Друня” / Звали парни сестру полка». Так лирический образ объективируется, лирическая героиня смотрит на себя, юную, словно бы со стороны, как будто не может до конца отождествить себя с той девочкой, что прошла через нечеловеческие испытания: «Неужто вправду ею я была?..»

Объективируется, олицетворяется и образ собственной молодости: «Убивали молодость мою / Из винтовки снайперской в бою, / При бомбежке И при артобстреле» (1982). Лирическая героиня обращается к молодости как к живому существу:

Неужели снова
Я с тобой, суровой,
Повстречаюсь, молодость моя?
(«Ржавые болота», 1959)

Вообще сюжет встречи или не встречи с юностью проходит через все творчество Друниной: «В сорок первом на полустанках / Я встречала юность мою» (1947); «Ах, юность, юность! – Только позови: / Я сразу бросилась бы к ней на шею» (1987). Даже любимому лирическая героиня признается: «Мне бы хотелось встретиться с тобою / В ранней юности – на поле боя» («Любимому», 1952). А в обращении к дочери звучит мотив возможного повторения собственной юности: «А придется – / Сама на нее надену / Гимнастерку, / И в правом святом бою / Повторит медсестра – / Комсомолка Лена – / Фронтovou юность мою».

«Полковая», «фронтовая», «армейская» – постоянные определения юности в стихах поэта. А порой Юность прямо отождествляется с армией: «Я люблю тебя, Армия, – Юность моя!» (1958)

Стихотворение Друниной «Худенькой нескладной недотрогой» (1947) отсылает нас к Цветаевскому микроциклу «Молодость» («Молодость моя! Моя чужая...», «Скоро уж из ласточек – в колдуньи!», 1921). Юлия Друнина могла сознательно или невольно вступить в диалог с Цветаевским творчеством, она знала и ценила цветаевские стихи, у нее есть посвящение «Марине Цветаевой» (1978):

В Москве, в переулке старинном,
Росла я, не зная тогда,
Что здесь восходила Марина –
Российского неба звезда.

Роднит двух поэтов персонифицированный образ молодости.

У Цветаевой:

Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая!

У Друниной:

И была застенчивой и строгой
Полковая молодость моя.

⁵ Друнина Ю. Т. 2. С. 405.

Переключки обнаруживаются даже на ритмическом уровне: оба стихотворения написаны пятистопным хореем с пиррихиями. Однако сам образ молодости у Цветаевой и у Друниной, отношение к ней лирической героини, сюжет стихотворений диаметрально противоположны. Цветаевская Молодость блистает яркими нарядами: «Полыхни малиновою юбкой», «Полосни лазерою шалью», «Мой лоскуток кумашный». У Друниной Молодость облачена в шинель и кирзачи: «Идет в шинели молодость моя». У Цветаевой Молодость названа «шалой», «щедрой», с ней связаны любовные бури, жар, вихревое движение. Отсюда – глагольный ряд: «полыхни», «спляши», «ошпарь», «пошалевали». Друнинская Молодость «застенчивая и строгая», «суровая», она кочует по окопам, проводит «ночи на снегу». Взаимоотношения цветаевской лирической героини с Молодостью сложны, меняются от стихотворения к стихотворению. В первом стихотворении доминирует отказ от «мороки-молодости», она словно бы чужая:

Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.

Здесь проявился цветаевский аскетизм и максимализм: «Что уже душе до яств и брашна!» Делается выбор в пользу суровой зрелости, духовной жизни, творчества. Во втором стихотворении прощание с молодостью проникнуто большей нежностью: «Смуглая моя! Утешь сестру!», «Как с любовником с тобой прощаюсь». Однако само прощание бесповоротно: «Вырванная из грудных глубин – Молодость моя! – Иди к другим!». Обратим внимание на созвучность строк Цветаевой и Друниной: «Вырванная из грудных глубин» и «Отданные с кровью города». И там, и здесь причастные обороты акцентируют болевое начало. Но лирическая героиня Цветаевой сосредоточена исключительно на личных переживаниях, лирическая героиня Друниной, проживая вновь и вновь «судорожные петли окружений»⁶, которые, как обручальные кольца, навсе-

⁶ Образ петли появится в стихотворении Друниной, посвященном Цветаевой: «А после, в гремящей траншее, когда полыхала земля, / Не знала, что смуглую шею / Тугая стянула петля».

гда связывают ее с адресатом стихотворения, кровно переживает за всю страну.

В поэтическом мире Друниной, как уже отмечалось, фронтовая молодость – высшая ценность, которой мерится вся последующая жизнь:

Если ж я солгу тебе по-женски,
Грубо и беспомощно солгу,
Лишь напомни зарево Смоленска,
Лишь напомни ночи на снегу.

Лирическая героиня не в силах с ней расстаться, поэтому в стихотворениях Друниной преобладают сюжеты возвращения в молодость и к молодости или хотя бы память о молодости, но не прощание. Это тоже проявление романтического максимализма, который свойствен Друниной в не меньшей мере, чем Цветаевой⁷. Не забудем, что поколение Друниной воспитывалось на поэзии романтиков Октября. Даже в детских стихах поэта звучала «ностальгия по романтике гражданской войны»⁸. Н. Старшинов, первый муж Друниной, писал о ней: «Думаю, что среди поэтов фронтового поколения Юля была едва ли не самым неисправимым романтиком с первых шагов своей сознательной жизни и до последних своих дней»⁹. Уточним, что это именно гражданский романтизм.

Юлия Друнина, всегда остро ощущавшая свою принадлежность к военному поколению, считавшая себя связанной «между теми, кто жив и кто отнят войной», так писала о судьбе поэтов-фронтовиков: «Судьбу поэтов моего поколения можно назвать одновременно и трагической, и счастливой. Трагической потому, что в наше отрочество, в наши дома и в наши такие еще незащищенные, такие ранимые души ворвалась война, неся смерть, страдания, разрушение. Счастливой потому, что, бросив нас в самую гущу народной трагедии, война сделала гражданственными даже самые интимные наши стихи»¹⁰.

⁷ Роднит двух поэтов и добровольный уход из жизни. В 1991 году Юлия Друнина покончила с собой, оставив посмертную книгу стихов «Судный час». Ровно пятьдесят лет разделяют даты смерти двух поэтов.

⁸ Друнина Ю. «С тех вершин». Т. 2. С. 281.

⁹ Старшинов Н. Планета «Юлия Друнина» // Друнина Ю. Стихотворения. М.: Эксмо, 2002. С. 12.

¹⁰ Друнина Ю. «С тех вершин». Т. 2. С. 335.